

Александр Петрушкин

Смотритель

стихотворения 2010—2016 гг.

Александр Александрович Петрушкин Смотритель. Стихотворения 2010—2016 гг.

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200212
ISBN 9785448552915*

Аннотация

Книга объединяет избранный корпус стихотворений (2010—2016 годов) уральского поэта Александра Петрушкина, проживающего в Кыштыме.

Содержание

«зачем зачем о жизни три вОрона летят...»	7
«нисколько – это много а сейчас...»	9
«Не вспоминай меня – на свет...»	10
«под деревом сидит над головой...»	12
«наконец-то нельзя задразнить щебетать...»	13
«о чём о том скрипят ладони...»	14
«ну вот и сорок дней (читаешь: лет)...»	15
[Голубятня]	17
[Грач]	19
«Телесный сад, где ест меня листва...»	21
[Чпок]	23
«Не страшась приключиться вторично...»	25
[Жажда]	26
[Идиот]	27
[Свердловская элегия]	29
«Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо...»	31
[Тварь из поселка Роза]	32
[Энтомология]	34
[Беременность]	36
[Летающий пёс]	41
«Вот ведь какие дела: чем длиннее душа ...»	44
«В крещенских числах этого января...»	45

«Не понимаю нашей поздней речи...»	47
«Сидит обманкой в поплавке...»	49
[Деревянный вертолёт]	51
[Собачья голова]	53
«На птичьем рынке – торфяной язык ...»	54
«Сминая бумажную воду...»	55
«Не раньше, чем начнётся смерть...»	56
[Колчак]	58
[Ода на третий июльский ливень]	60
[La Mariposa De Arena]	62
«Передавая хлеб по кругу...»	63
[Бессоница]	65
«но будто вся вода не здесь...»	67
«Что близко мне? – скажи. Лежит...»	68
«знаешь [?] косяки у неба голубиными глазами...»	70
[Hijo Pródigo]	71
«Вот странные люди...»	73
«Колеблется ли свет...»	75
«То, что лежало на ладони...»	77
[Колодец]	79
«Так вырой же тьму из могилы...»	80
«Свет кожу стирает дочиста ...»	82
«Откроют листья золотые рты...»	84
«Где деревянно кровь до октября...»	85
[Сруб]	86

«Что птица волочёт в своё гнездо...»	87
«И запрокинув голову...»	89
[Наталья]	91
[Бог]	93
«Зеркало запотеет – заглянешь с другой стороны...»	94
«Все дольше утро и туман...»	97
«Потянуло патокой от фабрики...»	99
«Вот они острые яблоки...»	100
«Мне нравится, как дышит в ней земля...»	101
«В срез неба заглянул – а там колодец...»	102
«Печален облик из окна...»	103
«Что ж счастье есть в домах, где кровоток ...»	104
Θεογονία	105
[Тыдымский Ной]	107
«Я научил ад говорить, собой...»	109
[Восемнадцатилетие]	111
«Промокнет снег – проплачется наружу...»	113
«На высоте, в единственном числе...»	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

**Смотритель
Стихотворения
2010—2016 гг.**

**Александр Александрович
Петрушкин**

© Александр Александрович Петрушкин, 2017

ISBN 978-5-4485-5291-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«зачем зачем о жизни три вОрона летят...»

зачем зачем о жизни три вОрона летят
и каждый третий держит в своей руке котят

зачем косноязычье незримо мне дано
о впалое как старость отчаянное дно

зерно в подскулье ноет у бледной из ворон
я склонен к паранойе в любой из всех сторон

зачем мне смерть однажды смеётся изнутри
нет музыки понятной для цифры номер три

и оспую укрыто у черной из ворон
крыло как феней синей написанное С. Л. О.Н.

зачем мне голос птичий безногий голос дан
до боли неприличный как чёрный Казахстан

и рыжий красный ворон забитый в кислород
мне тело лапой ищет и закрывает рот

зачем твоё бессмертье – четвёртый ворон бел
летит на тёмном свете наш чёртов Кыштым-бей

зачем зачем о жизни ворОны три летят
и в каждой третьей дети как умца-ца гудят
(2010)

«НИСКОЛЬКО – ЭТО МНОГО А СЕЙЧАС...»

нисколько – это много а сейчас
окно откроешь и мороз сквозь руки
как капельницы длинная вина
как окружившие любовью своей суки

нисколько – это больно до того
договоримся что условно мы
принадлежим бумаге заодно
и как зерно проросшее прямы

нисколько – это я там над тобой
припомнивший что голос в долг был принят
заходишь в тело а внутри темно
и мокрый дождь болезнью сухо вымыт
(2010)

«Не вспоминай меня – на свет...»

Не вспоминай меня – на свет
наколот пластырь света. Урка,
пока ты остаёшься здесь —
летит, как стрекоза, маршрутка.

Не вспоминай меня – простить
из лагеря побег заветен
пока хранят, как сухари,
зверёныши нас, эти дети.

За всех, что были неспроста,
теперь начисленная плата
нас ждёт, считая тьму до ста
и пластыри до зоосада.

Ты, убивающий стрекоз
подземных тёмными шагами —
не ожидаешь, но пройдёшь
над взглядом нашим сапогами.

Не вспоминай меня за свет
засвечено – на пол-аршина
мой дом оторван от земли
и пластыря почти не видно.

(2010)

«под деревом сидит над головой...»

под деревом сидит над головой
то голос твой

то голод твой по слуху и другим
за это спим

за то законник может даже финку в бок
и внемлет Бог

а голос твой слабее изнутри
и выйдет три

три голоса болячку этот звук
протри испуг

под деревом сидит над головой
с самим собой

царапает смешные письма
как смерть страна
(2010)

«наконец-то нельзя задразнить щебетать...»

наконец-то нельзя задразнить щебетать
перегнувшись из смерти
все равно нас никто не простит —
ну а если простит – не заметит

и вконец перекопанный ад —
назови его будучи живу —
перегнул эту смерть и сломал —
как малец конопатя машину

смерть смотрела в свои же глаза
повторяя бессмысленно жесты
я не помню кто это сказал
но наверное тоже не местный:

вот и я помолчу о себе
вот и я постою о других
а снаружи как видишь всё свет
а по свету небесны круги
(2010)

«о чём о том скрипят ладони...»

о чём о том скрипят ладони
пластмассовые темноты

все переправлено направо
нарывы рты

животное всё наизнанку
идёт гулять

и начинается по знаку
вся жизнь опять

о чём о том ты некрасива
и голубь мне

не говори молчи со мною
я сам во тьме
(2010)

«ну вот и сорок дней (читаешь: лет)...»

ну вот и сорок дней (читаешь: лет)
оса влетает в сад и с богом мальчик
всё говорит (считаешь много бед,
прошедших мимо? – Отсчитай иначе)
в таком заливе – русским заливать
ты всё соврёшь и перепишешь внове
и на плечо (чо сядет там? – оса?)
тату нарежешь – ощутив мир голым
ты всё соврёшь – такой посмертный дар
что вечность существует лишь однажды
тыходишь в гроб челябинский как в лифт
и морщишься от этой смерти лажи
смерть – это лажа (повтори Орфей)
так падал камень и завис в четвёртой
полёта доле и своих корней
вошедший в сад конечно же не помнит
не помнит став осой в своём саду
он видит как его несут во рту
его же дети (если я солгу
то в этом ты молчанием поможешь)
ну вот и сорок – насекомым я
налью с малиной чай на стол поставлю
чтоб сын осу в руке отца держал

и говорил что я не помню даже
договорив свою смешную смерть
оса влетает в сад и боль запомнив
раздавлено лежит в руках детей
и понимает не бывает больно
(2011)

[Голубятня]

Андрею Санникову

насколь прекрасна голубятня
и требуха и эта поросль
несущая нас на руках
пока живот со смертью порознь

пока прекрасно смертны мы
ухватывай снаружи тела
как эта поросль нас во тьмы
несёт заложено и спело

так рас-спешит в округе жизнь
в кружок закрытых светом скважин

пока там жарят голубей

парных как молоко и свет
все дольше из замочных скважин

пока природа голубят
накормит миром до ответа
и губы вытерев взлетят
и в скважину пройдут с рассветом

оставив голубятню нам
где смерти их до самой крыши
чтобы несл нас на руках
пока живот как смертный дышит
(2011)

[Грач]

Поехали в грачиный этот рай,
где белый свет и босиком трехпало
проходит глас насквозь тебя, насквозь
физический раствор – где, как упало —
так и лежит [что спрашивать в ответ?]
рассыпанный на тени, черный снег —
он кажется, крошится у запала...

Мне запаadlo, мне – в птичий этот лай
где повестись на каждого базары
и грач больной ведёт [как поводырь]
меня и голос, где мясная тара
меня ещё выносит – ехать, стыд —
весь этот долгий, в прицепном у стаи
где чёрный свет нас долюбил, распилил,
разлил в свои граненые стаканы.

Поехали, гранёный мой стакан,
позвякивая ложкою утробной,
трёхпало трогая грачиный доязык
и, проживая физраствор по пробной
уже двадцатый раз кажись. Кажись!
Такая жесть, что, проживая голос,
его ты, как покойника, везёшь —

прилюдно, по срамному, в одиночку.

Поехали в грачиный этот рык,
В сад полосатый, в костяную почку,
Которую снежок проборонил
Чтобы остались пустота и голос.
(2011)

«Телесный сад, где ест меня листва...»

Телесный сад, где ест меня листва,
зачитывает скромные права —
перелистав, как нищенка, слайд-ленту,
подкожный слайд: наверно, ты права:
что ждать в Челябине, прислонившись к ряду
подземного скрипящего крота?
Все тридцать восемь, что я был варягом,
испытывал густую карусель синичную
на прочность и отсель всегда бежал —
но оказался рядом

телесный сад, в который я вхожу
который раз вдыхая туберозу,
три отраженья на себе ношу
и строю этим отраженьям розу.
Телесный сад, где мудями звенят
такие же безкожные подростки,
иглой смерти тычут сквозь меня
в каком-нибудь смертельном,
как Свердловске,

и покидают норы и поют
телесный сад во имя нашей смерти —

им смерть шмели на блюде подают
как голову мою в пустом конверте.
Нательный сад, ты испытал меня —
так отпусти с огнём в живот свой тёмный
во имя мира, рожи и угля, настольной лампы
плоти непристойной.
(2011)

[Чпок]

...чтобы покоились с миром палочки Коха
Светлана Чернышова

о господи мы выпав из тебя
летим как мошка из глубин сибирских
с урановой рудой в одной руке
с уродом восковым на колпаке
с трудом большим припоминая близких

мы край тебе свинцовая вода
вина виной но мне не удержаться
и главная задача у з/к
отсюда прыгнув
до тебя добраться

о господи храни свою руду
шугая вертухая и собаку
ураново здесь нам по глубине
твоей и прочее почти уже
не жалко

о господи в крапленном колпаке
хитином тельника зажаты в кулаке
урана Мельпомены пилорамы
о господи прощай как я прощу

законника что приведёт к врачу

но больше вероятно

что в яму

(2011)

«Не страшась приключиться вторично...»

Не страшась приключиться вторично,
мы покажемся в этом лесу
хромосомном, от нас не отличном —
с чёрной дырочкой в каждом глазу.

Кто щебечет про нас, кроме этих —
неудобных на двух языках?
Чьи пернатые руки в умерших
ищут слово для нас, кукушат?

С лошадиного света наскоком
кто бежит здесь по нам босиком,
раздавая, как милость, по крохам
вслед за ним прилетающий дом?

Из-под клюва сирени мальками —
он идёт и четыре гвоздя
то ли крыльями, то ли руками
открывают у страха глаза.
(2011)

[Жажда]

Как будто расступается вода —
напоминая нам о тёмной жажде,
надёжнейши упрятанной сюда,
в её нутро, которое бумажно

распахано и вычерпнуто в дым,
чтоб некий мальчик подымал завесу,
держа в руке надёжный свой сим-сим —
Да что вода? – он отступает к лесу,

как будто отступается река —
Бог отодвинет небо перед нами,
и будет наблюдать издалека,
как бабочка играет с синяками

в сомнение о том, что он сюда
склоняется, на корточки садится,
живёт как мы, что жажда так сильна,
что водопой приходит [с] рук напиться.
(2011)

[Идиот]

вот брошен я в свою страну
наброшены собаки – стай
спастись удастся никому
в солёной горсти в горекрай
вот сброшенный смотрю на свет
куда которым я лечу
и чунями по мне вослед
идёт которому врачу
он синеглазый идиот
идёт и видит полный враг
собачий тает лай в ответ
и заполняет свет овраг
за эту дряхлую страну
ответь мой местный идиот
искусственно дыхание здесь
и снег летит поручно в рот
закладывая мои слова
сердечным средством под язык
я здесь по левому неправ
страна фартовая Кирдык
полуслепой февральских смех
переходящий по рукам
подмышкам пёстам я привык
к молениям – я по словам

замыслил от тебя побег
мой чёрно-светлый идиот =
свинцовый воздух изнутри
дыхания меня сотрёт
и будет утро день второй
или четверг повздошный час
собака дышит в вену мне
припоминая детский страх
собака дышит за щенят
вот спрошен я в свою страну
и чунями скрипит их взгляд
и идиота не помнут
щенята слизывают кровь
свою с чужих по край ногтей
и снег летит на ЖБИ
со всех ночных как март аптек
и замерзает мой язык
и пожирает идиот
мой парашют и чёрный клык
он ложит снегом в нежный рот
(2011)

[Свердловская элегия]

Даниле Давыдову

Ты помнишь/не помнишь помятый
давыдовский прочный сюртук,
коньяк без лимона под горло —
как шарф шерстяной или стук.
всё ссут здесь поганые суки
по улице Сони Кривой,
и делает боженька снимки,
а может быть кто-то другой.

Ты помнишь давыдовский точный
гlossарий – пойдём за водой,
где к потерялась за выдох,
и топчет сугробы ногой
[у К появляются губы
и рыло с химмаша братка,
ещё червоточные зубы,
и даже желанье глотка].

Ты помнишь/припомнишь, как смерти
стихами закроенный пол
в коньяк заливался Сысертью,
и пился за каждым углом,

как ссали под окнами суки
сливая челябу в ебург,
и глобус крутил эти звуки,
как будто бы ехал в Москву.

Ты помнишь, что вспомнится дата,
когда разломали ребро
[в закуске закрытые рядом]
две суки и стало светло
под скрипом солёного снега,
закрытого в каждом узле —
лимон, в коньяке закипал и
агукал Кальпидию в Че.

Ты помнишь, как небо, чирикнув
в две спички, зажглось и спаслось,
как двум, пережившим верлибры,
по бабам мужицким спалось,
Свердловск начинался сюртучный,
все суки махали вослед
лимонного цвета платками,
линяя в коньячный ответ.
(15/12/12)

«Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо...»

Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо,

идут двенадцать [непохожих на время наше] поясов,
как часовые и якуты, насторожились, вой взвели —
гори, гори, не угасая на темноте бумаги, шрифт!

Сквозь плотный снег [в воде солёной] дрожит, как голый, самогон —

идёшь по Репина и плотность теряешь, прикусив озон,
и видишь: с острова на встречу идут двенадцать часовых,
по краю движущейся речи, как пёс вцепившейся в кадык.

Они идут по твёрдым водам несовершенной немоты,
идут на свет, скрипят, как свечи, их [в шарф
заверченные] рты,

и Бог [разобранный в стаканы], в пластмассе льдистой
шевелиясь,

горит, в часах не разбираясь, и дышит в трещины, как язь.
(7/12/12)

[Тварь из поселка Роза]

И всякой твари выпадает дважды свет
в проваленном до ада, будто Роза,
поселке – за Челябинском в кювет
свалился ангел-бомжарёк. Вот поза,

вот понимание, вот с Розенталя вид,
чтоб всякой твари с небом всё возможно —
договорился и теперь лежит
среди травы и ждёт, как передоза,

что полетит насквозь его, на свет,
вся местная братва из насекомых
в провал и яму, под которой нет
последней твари и её знакомых.

Вот он лежит и чувствует – лицо
его облапал чёрный энтомолог —
читай: шахтёр (считай с твоим творцом
теперь их трое). Дело к эпилогу

здесь не пришить – так дешёво крыло,
что он лежит – во рту дрожит травинка,
а по травинке богомол ползёт
до самой Розы – и совсем не зыко

он приползёт на станцию свою
лет девятнадцать для того растратив
пока же ангел-бомжарёк лежит
здесь где-то слева и не пидорасит

он перед богом, он, открывши рот,
жуёт язык свой синий глуховатый —
и понимает: людный горизонт его ловил,
но более не схватит,

не схавает, не выпьет, преломив
на два зрачка поломанное время —
идохнет тварь и обретает вид
в кювете — мяса, в воздухе — прозренья.
(1/10/12)

[Энтомология]

Д.М.

Расчёсывая губы до крови,
пустив царапины [как бабочек по свету
латать тот свет слюной] здесь – оборви
и Сь слетит и крови узкой нету.

Да, эта бабочка сегодня хороша —
лежит под золотистою молчанья
[почти нирваной] коркой у соска,
у тёмного чукотского камланья.

Расчёсывая губы, как обман, как кокон
страха распылив отчизну, могилы
[улыбаясь мило нам] кивают жизнью
из своей чернильной

[расчёсанной сверчками до земли]
светящейся воды – пока открытой,
как молоко у матери в груди
кровоточит из ДНК на тритий.

Расчёсывая слюни по слогам
(здесь было что сказать – хотя и мало,

что вероятно, Бог – не быстр, а я —
хотя бы смертен [с самого начала].

Расчесывая воздух до себя,
дощатый бог лежит, опилом дышит
сосновым – воли нет не у меня, а у него
[что ж, не расслышит,

он это, перейдя на ультразвук и сленг] —
лает бабочка его тугие уши
и переходит из хитина в снег
[и здесь перестаёт он вовсе слушать].

У бабочки с судьбой глубинных рыб,
прижатой белой атмосферой к року:
в нутре кровоточивом бог дрожит,
пытает медленно, чтоб выбрала дорогу.
(24/07/12)

[Беременность]

Идёт подряд на свет вода
[безногая] другим путём,
не протерев свои глаза
[что несущественно] – что днём

себя ощупывает, как
наутро женщина края
свои исследует, рукой
течение судьбы двоя,

когда сияющий плавник,
толкается в мамашин сон,
где бьёт [вольфрамовый родник
почти что током] в мягкий схрон.

Где сдуру в дуру бог идёт,
он собирается семью
собрать из запчастей воды
между пятью и восемью,

с утра ползёт к воде на дух
двоичный, будто бы Лилит
и Ева [мало ли там кто] —
его в себе проговорит

под роговицей у пупка
он вяжет свитер для неё —
ещё без тени и лобка
[который – знаешь ли? – враньё],

и видит мир, как тот бомжарь,
что светом согнут или свит
сегодня [и в последний раз],
а послезавтра догорит.

И сын – на выгнутой вовнутрь
[пока срифмован в малафью]
исследует источник, а —
быть может даже мать свою.

Она с утра ещё гола,
и ощущает, как её
отметил угол [то есть мрак
за муравьями в дочь ушёл],

Пока вода – ещё вода,
а не вина за чей-то стыд,
четырелицый свысока
в живот клюётся и молчит.

Бездоказательно её
существованье в этом Че —
пока нутро не выжжет сын

как свет на жестяной воде,

на жестяной воде её

где он и мать в постели спят

[на свет, конечно, без пупков]

и входят в душ, как в чей-то ад.

(22/07/12)

* * *

Сергею Ивкину

...глухонемая Кондакова Ира

Она живёт на Малышева/Мира,

а я живу на Мира 38,

второй этаж, квартира 28.

(Андрей Санников, Глухонемая техничка I)

Пока сдаёшься ты, «пока-пока»

произноси в одежде праотцовой,

пропитанной бензином и водой,

что тоже нефть в ошкуренном Свердловске.

Пока сдаёшься ты, находишь их,

своих двоих и будущих, младенцев,

хватаешь Интернетом их язык

но вряд ли понимаешь — как чеченцев.

Пока сдаёшь наверх алаверды

свои водой замотанные ноги —
ни много и ни мало — все порты
забиты битами излишними. Уроки
иди учи, пока длинней пока,
чем голос электрички удалённой,
вдыхай жлобьё вокруг, и темнота
их скроет в этой массе оживленной,
где каждый как Георгий Иванов
ждёт растворенья в мудаках и стервах.
Вот ты идёшь, вот ты идёшь втроём,
но богу это всё не интересно

пока сдаёшься ты, когда пока
изнашиваешь в тёплую одежду,
и ангел нам дыхание в бока
вещает с Мира номер под надежду
[читай — целует в губы гопоту].
На то дана нам речь, чтоб мы сдавались,
чтоб пили нефть и спирт, за в пустоту
забитый гвоздь своей любви держались —
пока стоит твой [гладкий, как Е-бург]
цыганский праотец, что неизвестен в общем,
совсем незнаваем в черноте
сочащейся из дерновой и общей
гостиницы — казённой, костяной,
плывущей вдоль Исети мутной. Проще
казалось бы молчать — за божешмой
получишь номерной Челябинск в почки,
получишь мудаков или стервоз,

получишь замороженные ноги —
Мересьев-Жора-нафиг-Иванов
от роз своих перебирает логин,

пароли набирает на виске,
накручивает мясо нам на кости —
зачем он, как отец, стоит везде?
за что у нас прощения он просит?
Забитый как оболтус в пустоту,
он говорит в ошкуренном Свердловске
про ангелов, вмещённых в гопоту,
про Мира (два? – не вспомню – сорок восемь?)
якшается со всякой татарвой,
оторвою и головой на блюде —
пока сдаёмся мы внаём, пока
целует гопота [живых] нас в губы —
твой пращур ненавидимый, в тебе
в квадрате умножаясь, входит в штопор
и мясо ангелов висит на потолке,
стихи читает, ничего не просит.
(07/12)

[Летящий пёс] СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ

Проговориться с этим [на огне
сидящим] псом – замороженным, ленивым,
скрипящим словом: а) откроешь дверь
б) утром просыпаешься не с дивой,
не с девой в) лопочешь на своей
пифагорейской олбани в оправе
ц) слушаешь, как сторож долбит в смерть
стеклянную железкой д) он вправе
сегодня проживать её со мной —
е) сомневаться в ней, как в речи. Слушай
всегдашний [захромавший в цифре] год.
Проговорился всё ж, урод? – задушит
тебя/меня язык родной страны —
порхай среди цветов, обозначений, званий,
летающий пёс – глазей со стороны,
как стороны текут из тёмных зданий,

как немота уходит через руки,
как суки, здесь выстраивая ад
логарифмический [как хромосомы жуткий]
царапают глаза, сто лет награда

не требуя, как зацветут жасмины
[в соцветии у каждого спит пёс —
две головы которого в режиме
портвейного Харона]. Как вопрос —
так в нас щенок со стороны Аида
заглядывает, и его слюну
со лба стираешь ластиком дебильным.
Обняв его огромную страну,

проговоривши мёртвым языком —
я тридцать два часа сидел в конверте
[в последней номерной Караганде]
и наблюдал, как пёс рисует петли,
царапает над огородом смерть,
что проросла за стрёмное наречье,
как дочь моя шестнадцать лет назад,
чтоб всё простить однажды, изувечив.
Чтоб всё понять, однажды не простив,
резиновые реки поднебесной
плывут сквозь пса, раскрыв больные рты
от этой ереси (не потому что честной —
а потому что спит ещё Харон
и потому что стук пифагорейский
несёт на ржавой палочке Орфей
и учит пса портвейном здесь) [в Копейске]

стучаться в тьму то лапой, то крылами
на сто семнадцать метров в высоту,
и всё испытать холодными глазами

и выблевать однажды в пустоту,
и выблевать свой шерстяной, как кокон
открывшийся, как неродную речь,
пифагорейский, сказанный, смолчавший
и полететь от дочери за дверь.

За Пушкина [уральского крестина],
за всё молчание меж дочерью и мной
простив меня, скрипит в щенке дрезина
и гонит под урановой дугой.

(19/07/12)

«Вот ведь какие дела: чем длиннее душа ...»

Вот ведь какие дела: чем длиннее душа —
тем укороченней голос — на грани монеты
свет заигрался — на смерть загалделся, глуша,
нас пескарей прижимая ко дну, не взимая анкеты.

Время, собрав эти речи, уйти из воды
следом за лесой, сечением света из суши.
Из глухоты в нас врожденной — как божий глядит
смертный посланник — он эту травинку обрушит.

На берегах одинокий со снастью стоит —
смотрит, как свет говорит и по небу проходит
в этой росинке — и теплой полынью испит
в каждом прозрачном и самом прекрасном уроде.

Шевелит губой, как кобыла домой приходя,
тычется в руки хозяйские с рыбной заначкою кислой,
смотрит сквозь воздух и видит, как смерть (не моя-не
моя),
между рукою и Богом затихнув, на время подвисла.
(27/06/12)

«В крещенских числах этого января...»

В крещенских числах этого января
(брат мой простит, поскольку в других закопан) —
я проходил, по беглой воде шурша,
как водомерка бежит, понимая, что скоро в кокон
вмёрзнет — лишь остановятся она иль вода,
Та, что бежит навстречу (точней струится,
Еще точнее дышит, вдыхая меня, когда
попытаюсь взглядеться-остановиться).

Мусорна речь нашей воды, и я
кропаю черновики на водиче лапкой —
скоро холодный Анбаш запрокинет меня
черточкою над и — чтобы стала кратко,
как водомерка, воспоминанье вод —
выдох сбудется — над январём светиться —
выжнет гнездовье для инородца — крот
там, под землёй и илом, мне загорится.

А никакая теперь иордань — где дым,
и выдох один гуляет — теперь без тела —
правильное крещение — и я, как сын
открываю глаза и вижу: поспешно слепо —
с той стороны санигири за водой летят

носят её ледышки под клювом с Богом
в крещенские даты бесчисленного января,
зная, что и вода обратится домом.
(01/12)

«Не понимаю нашей поздней речи...»

Не понимаю нашей поздней речи,
чирика-чика в мехе рукавов,
трещащего иглой в нервном смехе,
как тик, забывших нас учеников.

Так пусто в доме, что гудит конфорка,
как стая, растревоженных тьмой, пчёл
прищурится, приняв обличье волка
и мех словесный, словно кофта жолт.

Не понимая всякой связной речи —
склоняется к нам и целует в лоб
холодный ангел и из голенища
лёд чаячный за шиворот кладёт.

Так пусто в этом доме, что за светом
пора вещам звериным говорить
и собираются вокруг не (много) незнакомых,
Чтоб на троих мою же смерть распить,

и разминают меж ладоней птицу,
трещащую на нитке из любви
и пишем мы, себя не понимая, литера-

дуру разделив на три.

«Сидит обманкой в поплавке...»

Сидит обманкой в поплавке
кузнечик нашей бытовухи —
поклёвка ходит налегке
и лижет спирту руки,

и рыбы светят из-под вод
мохнатым светом глаза,
везут стихи во мгле подвод
живых три водолаза,

сидят в прозрачной немоте
в каком-нибудь Тагиле,
ладонью водят по воде
в неслышимом здесь стиле

в услышимом и там и здесь
кузнечике пропащем.
Сидит обманкой в поплавке,
что умирать не страшно,

что если бог какой-то есть —
то снег к Тагилу жмётся
(от холода его слепой)
в собачьи стаи бьётся.

Там – говорящий поплавок
меня обманкой лечит:
чем ближе смерть – плотнее бог,
чем наст – прозрачней речи

[Деревянный вертолёт]

взаимно тихо говорит
из досок сбитая зима:
ты не умрёшь с тоски [с тоски
не сходят] не взойдя с ума
и всходы у дурных времён
как входы в торфяные мглы
открыты пальцами собак
пещерных – до земли голы

и деревянный вертолёт
бормочет дым из глубины
горит по тихому как лёд
из нефтяного дна воды
но не взаимны голоса
из досок сбитая зима
выгуливает смерть свою
и лает будто снег в санях

ей деревянный вертолёт
летающий от зимы на свет
потрескавшимся языком
кровавый слизывает след
с лопаты лижет свой язык
как пёс дурея от крови

до крови [разодрав живот
земной у жестяной воды]
(2013)

[Собачья голова]

волен Гулливер в собаке
что собака в Гулливере
в суете и вере едут
в некоем прощальном сквере

а обратно едут люди
как растения обвиты
мрамором и снежной крошкой
поигрушечно убиты

сшиты Гулливер с собакой
и собака с головою
тень проходит между ножниц
сизым веком на куски

камень ножницы водице
шьют и гроб и рукавицы
набирают в тень собаки
гулливеровой тоски
(2013)

«На птичьем рынке – торфяной язык ...»

Евгении Извариной

На птичьем рынке – торфяной язык —
читавший арамейски – разумеет:
поди налево, если не убит,
поди направо – видишь: там светлеет.

На каждый полумёртвый светофор,
на всякий крестоцветный – без базара,
как птица в клетке, по карманам вор:
он кормится – прости – ему так надо.

Исполнив эту глиняную печь
и перечни свои опустошивши —
поищешь свет, а он – ни там, ни здесь,
как зёма, из-под почвы тихо свищет.
(23/03/2013)

«Сминая бумажную воду...»

Сминая бумажную воду
Не дышит свинцовый карась
Идёт с той [почти по богу]
по воздуху вверх накренься

он жабры свои не шнурует,
шифрует под речь чёрный ил
и если дорвётся до суши
то верно поймёт, что он был,

сминая, царапая оду,
глазея в чудовищный страх,
что с точностью неба не спорят
в бумажных и рваных потьмах.
(23/03/2013)

«Не раньше, чем начнётся смерть...»

Не раньше, чем начнётся смерть,
жующая свой хлеб беззубый,

не раньше, чем меня и впредь
не встретит мент, и не разбудит,
не вложит камень мне в глаза,
а в губы – гул пчелиный долгий,
я буду слышать голоса
тех, отъезжающих на лодке,
тех, уезжающих вперед,
сбросавших вещи в саквояжи
поспешно в свалку, как щенков,
так словно не успеть им страшно
на этот длинный пароход
и не имеющий причала,
где б чайка, проверяя рот
б/у-шный, отвердев кричала
невнятно требуя избы,
сирени, от мороза ломкой,
и замороженных глубин,
или хотя бы потной шконки,

всплывут горящие гробы,

и станет мне тепло на лодке
перегибающей в обрыв,
где от встречающих так громко.
(24/03/2013)

[Колчак]

У юной Росы Камборьо
Клинком отрублены груди,
Они на отчем пороге
Стоят на бронзовом блюде.
Ф. Г. Лорка

Соски срезая ржавою метлой,
стоит у входа с неба часовой —
он машет медленной [как будто бы кино]
рукой кленовой этим за спиной.

Приветствует [не то чтоб вялый Омск]
входящих и ведущих в эту ось
полуслепых [двудённых, как котят]
и в свой живот кладёт их, в ровный ряд

на блюдо под палёною корой.
Ещё [как будто даже молодой]
один из мертвецов, как водомерка
суёт наружу руки — типа, мелко.

Метла проходит [вся в бушлате черном]
и слышит сиплый говор в коридорном
наречии фанерной коммуналки,
и покрывается испариной [здесь жалко

становится по-лагерному]. Чёткий
поветочный досмотр ведёт дозорный
и каркает из тёмного бушлата,
и публика [немного виновато]

расходится к кругам сосков молочных
моей жены – кровавой и непрочной,
и плёнка рвётся [как в кино – два раза],
зрачки срезая с глаз [как бы проказа].
(10/07/13)

[Ода на третий июльский ливень]

Холодная вода, что вертикальна,
стоит – шевелится – который день летально —
садам – по горло – конопле, канаве
[как бы избавишись от ангелов и правил,

где я углом живу сентиментальным,
себя не стою – от того и плачу,
что нас не выдаст Бог, торчащий с боку,
торчу с водой, которой одиноко].

Мои друзья с другого края/света
За мной следят [с отчизной неодетой] —
со сволочью торчу, не накутившись,
харчком сплавляясь с родиной и тризной.

Прекрасна панихида будет этим,
пернатым, голосащим, как петели
конюшни, обернувшейся в сарай
[здесь понимаешь, что не надо рая —

пока вода стоит над огородом
и разбухает голосом чебачьим
древесный уголь – так,
а не иначе

(14/07/13)

[La Mariposa De Arena]

То, что чудеснее речи любой,
помнит, как бабочка [о] камень билась
[вместе – с хранимой под сором – водой] —
так и скажи, что она сохранилась
в тёплой смоле, как селенье в глуши,
будто летая, латает подбрюшьё
божьему небу – в котором дрожит
белым хитином хранимо снаружи.

Но ничего не случается, что
может озвученным стать – переносным
смыслом. За контур – усни, инженер,
слесарь-сантехник бабочкам водным.
Чувствуешь [?] – что эта бабочка внутри
смотрит, себя разбирая до страха —
словно из камня сбежала уснуть
в тминых пустотах своих – там, где влага

небо построила – не по себе
богу, что бабочке может присниться,
то, что чудеснее речи, и снег
в камне за ней продолжает кружиться.
(15/07/13)

«Передавая хлеб по кругу...»

Передавая хлеб по кругу,
Как чайки гальку клювом в клюв —
Мы говорили с жидким богом
Своих друзей, чужих подруг —

Определёно и неточно.
Из ямы в детстве и земле —
Казался хлеб и мне порочным —
Сгорая спиртом на столе.

Передавал нас хлеб овальный,
Прозрачный на зрачок слепца,
Как гальку, как глоток печали
И срез на пальце у жнеца,

Он говорил за нас не дольше,
Чем воздух бился у виска —
В мякину обращая слово,
Скрипела чайками доска,

Скрипела этим жидким хлебом
Связав на мёртвые узлы,
Как жидкий бог чужое тело
с таким моим.

(16/07/2013)

[Бессоница]

Вывернув себя до дна
этой родины пустынной,
возвращаешь благодать,
благодарность и другие

нищих сумерек детали,
и бессонницу – с водою —
выжимая свет на тени,
где вернулся за собою,

выжимая льда сухого —
углекислый выдох в бледный,
пролетарский, бля, посёлок.
Слушаешь: [из шахты] медный

колокол – перевернувшись,
ищет звук в своём обломке
горлышком безъязыковым
он плывёт здесь с музой тонкой

возвратившийся, как блудный
сын в отцовскую могилу,
с тощей бабою бесплодной,
он плывет в пивную жилу,

в купоросные разводы
смотрит, в родины пустоты
возвращает, к потной жажде,
чтоб задать вопрос мне: кто ты [?]

сын в отцовской яме роет
языком немного света,
чтоб оставить всякой твари
своё место без ответа.
(17/07/2013)

«но будто вся вода не здесь...»

но будто вся вода не здесь
но будто уточка взлетела
палаты все превозмогла
и села рядышком у тела

как пела здесь вода когда
пернатый выходил народец
из камыша едва дыша
и глядя в небо как в колодец

лежал и я меж сосен трёх
и наблюдал как эти дети
горят передо мной и там
из вёдер говорят нет смерти

и жук июльский говорит
перегорают в водомерку
и смотрит этот боже вниз
где ртом ловлю его монетку
(22/07/13)

«Что близко мне? – скажи. Лежит...»

Что близко мне? – скажи. Лежит
река под спешкою забора —
и тёлок местные коржи,
и кулинарный запах бора.

Такая тёплая земля,
что тает, в СО2 сбегая,
туда, где нет ни островка
и где обширны грани рая,

и лает близкий, словно дождь —
даждь нам насущное на днеси —
на дне живущий ангел мой
он отражение завесил,

он светом свет на тон закрыл,
и лепетал творимый воздух,
лепил, что я в ларьке убит
и понимая, что не поздно —

я говорил ему в ответ,
что рай начнётся будто волос,
у сына моего в виске

останется понятный голос,

понятный мне или ему —
и в этом видится причина,
что ветер режет мандарин,
когда его еще не видно,

что человеческий язык
мною отдан на границе рая —
и я живу ему в ответ
и [как всегда] не понимаю.
(26/07/13)

«знаешь [?] косяки у неба голубиными глазами...»

знаешь [?] косяки у неба голубиными глазами
смотрят как светляк тревожит
древеса и спит меж нами

как лежит в песок уткнувшись между галькой и травой
как живёт в моей подошве
и клюёт её с двойною

моей пайкою ужившись в косяке уткнутом в небо
в уточке ковчег делит он со мною
пар от хлеба

и светляк дым расчекрыжит чтобы голубь вышел тёмным
и читал себя в газете справа снизу
вдоль колонки

там где небо от оливы вовсе и неотделимо
знаешь [?] косяки у неба
вёслами скрипят отлива
(27/07/13)

[Hijo Pródigo]

Так ты крути круги печали,
наездник воздуха – с веранд
заходит гость и грудью впалой
он ищет, как на век пропасть,
как не вернуться с фронта в этот,
таджиком занятый, свой дом,
как вырастить на коже нечто
(возможно холм).

Наездник всей богемы нашей —
он помнит, как коса прошла
по головам у маргиналов
и жизнь прошла,
ушла давно за половину,
за распитой язык-стакан
и от сирени, как волк, дикой
гудит титан —

он воду греет чёрной бани,
он говорит как Пушкин нам:
крути, верти свои печали
по головам,
наездник, воздуха глашатай,
почти что холм,

отставший от своих же братьев,
спи языком.
(30/07/13)

«Вот странные люди...»

Вот странные люди
в зарытые двери идут —
ни имя не вспомнить
ни шорох, что эти поймут,
как падает время
из малых прорех,
и бабочкой бьется
о лампу свою
человек.

Вот бабочки странен полет
или страшен – пойми —
что вскоре мы ляжем
у ней на пороге – кольни
[продольную душу
её] в свои кости вложи.
Вот странные люди
идут через ночь
лошадьми,

и лошади ноздри шевелят
[как смертность] хрустят
и кормят седыми сосками
людей, как котят.

И кормится их разговор
уходящими в дверь:
спросить – не ответят
они, что горит в листопаде
за зверь.

(05/08/13)

«Колеблется ли свет...»

Колеблется ли свет,
подвешенный на трубах
печных в домах ночных,
шагающих в стадах
на водопой тьмы,
сколоть колодцам губы
за страх увидеть нас
в протянутых руках,

в местах густой воды,
которой древо просит,
склонив свои четыре
животных лика в дым,
где дом шагает в воды,
в которых вырос лосем,
как осень, обнажая
четыре головы.

Колеблется ли свет
иль колебим подсвечник,
или рука его
держащая дрожит —
за мною ходит лось
и дерево сквозь кожу

растёт, как светлячок,
в четыре стороны.

(08/13)

«То, что лежало на ладони...»

То, что лежало на ладони,
хрустело яблоком на свет
[глазной] распахнутой пчелою,
как донник, павший на столе.

Сгорает кожа восковая,
как лепет нас клюющих птиц,
в ребёнке под столом сужаясь,
и донник говорит: простись,

на дне у неба, прижимаясь
плотнее к темени кругов,
я слышал, как с меня снимают
[как с древа яблоко] засов.

Там я лежу на дне у света —
пока расходится волна,
хрустящая, как волн пометки
на ткани тёплого ствола.

И чем мне светит скатерть эта,
когда в хруст руку протянув
взлетает яблоко [глазное],
пчелу и донник взявши в клюв?

(08/08/13)

[Колодец]

Руслану Комадею

Ты всё провожаешь свои голограммы в шиповника ад,
который в себе вышиваешь, на память, как линию
рваную рта.

Гляди – просветлеет колодец, и гонят быков —
ведь рай это полость – беда ли, что мал? Это всё.

Чтоб хлеб подавал бледный знак – что в твою Чилябонь,
как малое стадо пришел телеграф – но уволь! —

там гонит колодец быков, как бы кровь чистотел,
шиповник растёт через звук, меж своих же ветвей.

Есть мокрый двойник у быка. Он – колодец, он – чист,
растет из шиповника, с горлом разрезанным вниз.

Светает двойник, как фонарь, освещает свой рай,
где гонят быков, чья спина распрямилась в трамвай,

врастая в шиповник. И больше не вправе стоять —
шиповник, колодец и бык в свои ветви летят.

(09/08/13)

«Так вырой же тьму из могилы...»

Так вырой же тьму из могилы,
чтоб – как колыбель —
качалась она средь стеблей
предрассветных стрижей,

сгоняемых скрипом сосны,
в навесные углы,
стучащейся с нашей
прозрачной, как мы, стороны,

что вырыла нас,
и лопаткою птичьей звучит
над каждой цикадой,
как будто хозяйка бренчит

в прихожей костями, детьми —
разменяв лишь лицо, а не цвет,
начавши с конца,
поскольку сначала нас нет

ни в кадре, ни в клюве,
ни в этом фонарном белье.
Как будто есть тьма —
мы себе ковыряем бельё

Стоим у сосны между бёдер,
поднявшихся в свет,
кроша в темноту, то, что
[после прошедши] кольнёт.
(10/08/13)

«Свет кожу стирает дочиста ...»

Свет кожу стирает дочиста —
кто ходит на месте пустом?
Его ремесло переносное,
как бабе, вносить меня в дом.

Внесёт и забудет на время
в среде голубиных людей,
накинёт на яблоню темень,
царапая горло ветвей.

Меня поцарапав однажды,
как-будто котейка, дом-шар
воздушной и смертной жаждой
смотрел как (его ли?) душа

выходит из яблока красного
и светится, где за окном
дом в стороны все расширяется,
идя за своим молоком.

Его ремесло непонятное
Как бабе нести меня в сад
Где пчелы звенят пузырятся
Под кожей, желая назад,

где дождь вырастает из яблони
и падает яблоней стать,
где голуби клювом стараются
под кожей меня отыскать.

(18/08/13)

«Откроют листья золотые рты...»

Откроют листья золотые рты,
зарубки оставляя в каждой щепке
воздушной [бог заточит топоры]
и по воду пойдут – как будто бросил
их этот август бронзовый в себя,
по кругу охлаждающему ослепнув,
своё изображение деля
на хлеб и воду, прижимаясь к древу
осеннему, зеркальному, как тьма,
где птичий бог прибил к лесорубам
и загорелся [и язык принял] —
как листья, рыбы в нём плывут по кругу
и открывают золотые рты
и немоту себе [как вещи] просят
[листвяные] и срубы и плоты
и август бронзовый в себе
[как в вёдрах] носят.
(16—19/08/13)

«Где деревянно кровь до октября...»

Где деревянно кровь до октября
стучит – внутри у дерева, как ложка,
с морозом пальцы наизусть скрестя,
и смотрит [как в лицо] с его окошка,

как здесь, наевшись почвы, в высоту
у яблони прорезывая крылья,
вдоль веточек нахохлившись, плоды
сидят так, что – и кровь совсем не видно.

Поют [как человечьи] голоса
у дерева согретого плодами,
и кровь, скрутившись в яблоне, у дна
летит, мороза почву, перед нами.

(12/09/13)

[Сруб]

в срубе ручном узловатой зимы
запотело стекло

кто-то с иной стороны
лизет дно [теплым ртом

режет от неба язык
он кусок за куском]

то деревянной пилой
то дрожащим ножом

ходит по кругу воронки
пернатый как треск

и [беспросветен как горло]
светящийся лес
(13/09/13)

«Что птица волочёт в своё гнездо...»

Алексее Сомову

Что птица волочёт в своё гнездо,
растягивая А почти до О?
Что бывший адрес твой, что этот новый —
недостижим, и прячется лицо
среди других, в даггеротип словлённых,
где голос стал уже твоим вдовцом.

Он в комнату проходит, натываясь
на форточки — кто палочкой стучит [?]
с той стороны, на всех нас — разрываясь
пока пиздато эта смерть торчит,

пока, как запах хлора и мочи —
летает с этим, перьями зажатым
(читаем «Смена-8М») — все три ночи
(совсем не ночи) — синий под халатом,
снимая с нас, как с вешалки бельё,
гнилые голоса чужой фонемы,

и дождь с землёю под язык кладёт,
и хлеб размокший на язык кладёт

земля парит (а смыслы также темны,
но не темны) – засвечены тела.
Теперь, как бы Аид, стоит Сарапул
и поедает [как бумагу] всё,
переиначив, забираясь на кол.

Но вот, что очевидно – понедельник
шагает в ряд с тобой всегда налево,
не с той ноги и стороны ты встанешь
нащупывая рядом своё тело —
и вылетает смерть, как будто птичка,
и диафрагма в ней как бы табличка:
закрыт даггеротип – портвейн
ушел на фронт.
(26/08/13)

«И запрокинув голову...»

И запрокинув голову
[пока что без лица],
в круги по небу пялится,
как камень, детвора,
и птица возвращается
в качели [как бы смерть],
и лица нарисованы
в лице её на треть.

Но, запрокинув голову,
стоящий в небе том,
дом раздвигает в стороны
лицо, чтоб смыть дождём,
чтобы стоять неузнанным
в каких-нибудь углах —
пока незрячи дети,
неся, как камень, страх

и, запрокинув голову,
в качели плачет смерть,
что ей лишь умирать здесь
[совсем]

одной за всех.

(15/09/13)

[Наталья]

Покажется, что снег с землёй делим
на человека и пустое место —
проходишь через тень свою один,
и та парит [как будто бы из теста].

Покажется – что тронута рукой
уже нашло скрижали нашей смерти —
покоя нет – но, если есть покой,
то он всегда в оставленном здесь месте.

Идёшь на холм иль спустишься с холма —
всё кажется, пока перевозима
сквозь тьму и ночь – на поезде душа,
на лодке [в старике] как руки длинной.

Покажется, что снег съедает смерть,
как будто тени замечает крошки,
что сокрушимы Бог и человек,
когда уже почти что осторожны,

и, что, спускаясь с неба, голоса
нащупывают в горла тьме несносной
зерно проросшее – чужое, как глаза —
переходящее из местности сей в поздно.

Покажется, что снег в земле лежит,
и, что земля лежит внутри человека —
чья тень оторвой сквозь меня летит,
по стороне ребра глухого света,

что выгнута, как лодка, почва здесь,
и снег всегда идёт наполовину,
что в свете есть твоём — моя вина —
и с ней не умираю я — а гибну.
(14—16/09/13)

[Бог]

Нет ни меня, ни тьмы
и даже света нет —
а только тонкий глаз.
И в щёлочки просвет

Он смотрит на меня,
а я смотрю в Него,
и кроме наших взглядов
здесь нету никого.
(10/09/13)

«Зеркало запотеет – заглянешь с другой стороны...»

Зеркало запотеет – заглянешь с другой стороны:
кажется, что стоишь ты на глубине Невы,
на глубине Исети или иной травы —
выберут эти сети белые рыбаки.

Будешь лежать на блюде, как на ладонях их,
вывих иной буквы, оставив как часть кожиры
чашки своей, расплескавшей воздух по берегам,
осколок безводной чащи – только увидишь: там

зеркало запотело – а рукавом ототри —
лице своё не видишь, снаружи и изнутри
всё в казаков играют стрелочки и штрихи,
рыбно на рынке, людно на глубине реки.
(24/09/13)

* * *

Дмитрию Машарыгину

Вот неба свет – какой-то не такой
ты, друг мой, возвращаешься домой.
Сентябрь тебя читает через дождь,
через тире и точки, точно дочь —
тобой забытая в метро – всё ждёт Аида
и понимает: ничего не видно
и не бывает дна у всех времён —
хотя и всадник блед уже прочтён.

С тобой ли Бог, мой друг? или засада
нам зачтена за выход из детсада,
и небо пьёт в песочнице с листьями,
и не бывает никакой Литвы,
и речь не говорит о возвращенье.
Пылает столб шиповника внутри
у ЧМЗовской пацанвы вечерней,
у бородатой этой мошкары.

Вот неба свет – прими его таким
ломающимся, словно изнутри
его к нам лезет Бог и видит всё
прозрачным, как шары и огород
осенний, голый – будто ангел весь
его покинул, а не улетел,
искать лепить (хоть глиняное) горло
чтоб говорить покинувшему лес,

что входы все в метро, что снег надолго,
что возвращаешься ты, умирая здесь,

что столб внутри – шиповника не стоит,
хоть и сгорает тридцать три часа
подросток в этих вышедших по трое
на поиски для каждого отца,
что в сентябре вокруг одно лицо —
вот неба свет и костяное слово
в тебе текут, рекут тебя сквозь свет —
и плавится свинец, вливаясь в горло.
(23/09/13)

«Все дольше утро и туман...»

Все дольше утро и туман
длинней быков в холодных лужах —
едва покажешься ты там
и вот опять кому-то нужен
ты здесь. С какой бы стороны
не посмотрел – но видишь пегих
синиц, что у себя в груди
совьют кормушку и гнездовье,
чтоб оказавшийся внутри
туман лежал у изголовья.
Так говорить за свой Ты-дым
я обучался – глядя в чёрных
быков, что в капельках росы
росли и пухли, словно розы.
Все дольше утро – тише слог —
тумана нет или не виден —
лежит лицом в огне пророк —
как будто бы плывёт на льдине —

и наблюдает: как быки
теряют листья в эту осень,
и на веревочке тоски
с собою пастбище уносят.

(25/09/13)

«Потянуло патокой от фабрики...»

Потянуло патокой от фабрики
и бараны водят хоровод —
георгины, павши на колени,
молоко пьют в утренний живот.

Подмерзают груши и боками
колокольными и медными звенят —
от ночи неприбраны, как женщина —
лампами в земле с водой лежат.

Ангел лижет языком (шершавым ли?)
август с молоком в своих боках,
смерть и воздух кулинарной фабрики,
рёбра чьи прозрачные дрожат.

Груша упадёт, сентябрь рассыплется,
оставляя звук на языке —
георгин горит как-будто ижица,
удивляясь Богу налегке.
(21/09/13)

«Вот они острые яблоки...»

Вот они острые яблоки,
в воздух воткнувшие нос,
нюхают снег пока сладкий
он и ещё не подрос.
Вот они в кадре застыли,
вот ещё морщат лицо
в свете, который отплыли,
поскольку незримо число.
Вот острые яблоки ловят
весь свет, но поймают едва ль —
ясень на свет расширяется,
снег переходит за край.
Вот и лежат эти яблоки,
тёмные рёбра шуршат,
дева моя раздевается —
так как не ведает дат.
(28/09/13)

«Мне нравится, как дышит в ней земля...»

Н.

Мне нравится, как дышит в ней земля
парная, молоком переполняясь,
как ей сплавляется, как новый дом, листва,
в прозрачный лес как будто ударяясь.
И в этой недалёкой красоте
её – хорёк, готовящий зимовье,
опилки чешет на дырявой голове
и говорит ей: только не сегодня.
Мне нравится, как ЭТО говорит
моей жене ЖИВОТНОЕ под солнцем,
мне нравится и, что она молчит,
переполняясь молоком сегодня,
что к ней падёт [и скоро] вся листва,
прозрачную землёй переполняясь,
что смерть сегодня снова неправа,
что речь о ней всего лишь показалась.
(30/09/13)

«В срез неба заглянул – а там колодец...»

В срез неба заглянул – а там колодец,
свернувшись, спит высокою водой,

и пахнет шерстью лёд – и свитер носит,
и дышит за звездой неживой.

И смотрит на меня – чужой, обратный,
голодный свет и лижет языком

у мальчика – старик есть и собака
кусает сруб своим кривым плечом,

у языка – порезы и собака,
порезы неба чует тёплым ртом,

у старика спят мальчик и собака,
и он глядит в них, как в хозяев дом.

(06/11/13)

«Печален облик из окна...»

Печален облик из окна
промокшего – зима ли ждёт,
что выйдем мы из дома на
холодный воздух, обожжет

мою стареющую кожу
зима, в которой Пушкин спит —
печален вид и невозможен —
как ложка длинная лежит.
(10/11/13)

«Что ж счастье есть в домах, где кровоток ...»

Что ж счастье есть в домах, где кровоток —
к себе призвал невидимый сквозняк,
где едешь ты — с вагонами далёк —
и белый смех, упрятанный в санях,
сопровождает в тот поток тебя,
в примерный (даже сказочный) сугроб,
и смерть касается тебя, как живота,
предчувствуя рождение твоё.

Счастливая роженица — ты, смерть,
вот кокон сброшенный лежит уже в снегу,
и мы с тобою, растерявши твердь,
как-будто в хирургическом раю
подслеповато шуримся на свет,
топорщим крылья, учимся слогам,
молчанию, которое в ответ слагает тот,
что подобает нам.

(11/11/13)

Θεογονία

Здесь жабой валится октябрь
в зеркальный пух своих смертей
в свой перепуганный финал,
летающий третьим меж зверей.
Здесь между слабых изолент
перемещает он в свой слух —
меня и тех двух-трех парней
которых тоже не найдут.

Куда ушли они с петель? —
прекрасен висельника вид,
покуда жалобы — как дверь —
синицы тёмных аонид.
Кого ты выдумал, октябрь,
пока ты смотришь на меня
и замышляешь мне язык,
и чертишь крестик по полям?

Октябрь, прикинувшись толпой,
обходит голос, словно ВОХР,
он сторожит с винтовкой смерть,
шевелит лужей, как губой.
Я в тонком жабьем клюве сплю,
в зеркальном пухе на свету,

и тень играет с детворой —
как бы соломинкой во рту

дитя твой ходит во дворе,
и цвиркает кузнечик вдоль —
и будет детство, будто в рай
Октябрь впадает исподволь,
неся в руке своей цикад,
как будто, если обопрусь
на воздух, падаю в свой ад,
где с отражением столкнусь.
(18/11/13)

[Тыдымский Ной]

Венчая Пана с местной мошкаррой,
помашет пруд воздушною рукою,
перебирая анальгины нервно.
Чем запалился [?] перед нами он,
стоящий перемазанным мукой,
с канальей дождевой и прочей скверной

компанией из женских тополей,
лакающих [как псы] своих ветвей
окрошку пуховую в отраженье,
где лошадь, проходящая сквозь твердь,
разносит бубенцы [как будто смерть
своё уже признала поражение]

и лепит из снежков своих копыт
тех, кто до рождества в воде укрыт —
пока не взрезана в крещение пилою
она – и чертит круг над польньёй,
и человека ищет [под корой
своею] пруд немеющей рукою.

И лошадь разминает позвонки
дыша над тёмным видом – далеки
извилины воды [задышанной и тесной],

и тихий плотник или местный Ной
идёт по воздуху со всей своей семьей
под мошкарою снега занебесной,

несёт свой род, как сосны, издали.
И отрывает лошадь лепестки своих
голяшек, чтоб семье ответить,
приветствуя освобождение вод
и только бубенцы всё наперёд
молчат и знают, и звенят беспечно.
(22/11/13)

«Я научил ад говорить, собой...»

Сергею Ивкину

Я научил ад говорить, собой
как манной кашей липкой и губастой,
его перекормив – своим одним
присутствием и чёрно-белой пастой.
Такой пленэр на выезде, такой,
что, проведя по воздуху сухой
рукой – царапины оставишь в известковом
его нутре. Точи же кисть, малыш —
его пораним мы – как бы кишмиш
топча то босиком, то сапогами,
то доставая с помощью старух
обрубков воздуха в котором не заснуть,
то еблей занимаясь в быстрой ванне.

Иди со мной скорее, дурачок,
мы нарисуем топь, электрошок
внутри зеркал коцитовой конюшни,
и наши мамки, ад переведя,
застанут сад, ничо не говоря,
из живота достав щенков, как лунки —
мы полетим с тобой сквозь тихий ад
крольчих, щенков с оленьими глазами,

переводя на русский славный мат
то, что они везде успели сами.

Но не сказать, что будешь ты другим
под этим ли шершавым – что там с ним
под светом вездесущим, будто чурки? —
под этим ли входящим, будто клин
в древесную породу с любой дурки [?] —
где пацанва проходит сплошняком,
лакая шнапс провисшими губами
с ланит, прибитых к косточкам соском,
как вереница смерти перед снами —
вишневая по вкусу – будто лёд,
висящий на ветвях у тёмной спицы
телеэфира местного, что в рот,
забился, вспомнив то, что мы – ресницы,

что это Бог взирает свысока
на всех животных с тёплыми глазами,
и расширяется, как будто свет тропа,
пока свой ад мы кормим словарями.
(28/11/13)

[Восемнадцатилетие]

Я начинаю старость, как себе
мужик строгаёт гроб, когда за сорок,
когда губа у старших из детей
увлажнена давлением из сонной

страны, где стая жидких обезьян
стремится отвердеть до безразличья,
с которым копоть ляжет на изъян,
как бы мужчина твой косноязычный,

чтоб в форточку альпийскую смотреть
и приходить в себя ещё все сорок,
оставленные дочерью мне, лет,
снимая освещение и морок

с прозрачной геометрии вещей,
лишая их имён и нашей скорби,
что скоро станем младше мы детей
своих, то, что их смерть совсем несносна,

то, что их смерть не знает ничего,
болтается, как тряпка и снаружи,
что дочь уже, почти что мой Орфей,
меня выводит из себя наружу,

где в каждой линии её худющих рук
вспоминание о сжатом в поле клёне
и негативы длинных тополей,
как стрекоза, рисуют в тьме поклоны,

где боль сороколетняя, как свет
всегда доотвечать стремится больше,
чем мы поймем из этих длинных рук,
которыми когда-нибудь уколешь

надутый шарик смертности моей,
летающей внутри шарика и дочки,
что расширяется и лаает на ответ,
прося то свет из спутанных ветвей
то ясность, смятую, как слепота, до точки

когда пройдет каких-то сорок лет
и женщина, пока что некрасиво
беременна, несёт меня в руке,
как в животе в другую половину,

где дочь моя, прозрачная как тьма,
сужается в клубок или котёнка,
и видит в сне, конечно, не меня
а белый шум пурги моих осколков.

(02/12/13)

«Промокнет снег – проплачется наружу...»

Промокнет снег – проплачется наружу
[его] земля – и с кем летит перо?
на крыше? чердаке? – сносима стужа
и дерево [как стены] повело
поближе к корню русского – Бестужев
въезжает в темень, как в своё село,
и озера становится круг уже,
и падает на нёбо, и – светло.
Такой пейзаж – в кусту горящем видишь —
КТО АНГЕЛ ТАМ? И ГДЕ ЕГО ЧИСЛО?

«На высоте, в единственном числе...»

На высоте, в единственном числе,
как выход в тесноту своих вагонов,
стоящий проводник, что помнит тень
пасущихся навстречу перегонов,
торчащих, как коровы в черепках
камней голодных – с холода и мраза,
мерцает словно ужас, а не страх,
посередине космоса и глаза.

На вылете из зрения – на миг
он ощутил, что катится лавиной
в него исправной жизни механизм,
которая то кажется невинной,
то длинной, как финальный ангел, то
замедленной, как хромосомы в кадры
сложившись, переходят не на вой,
на умолчанье голоса. Покаты
бока дыхания тёмного его —
он, показавшись зрению, вернётся
в своё – что несущественно – житьё
среди руин письма на дне колодца,
на высоту, которая внизу
не чует дна, проваливаясь выше
пока летит не контур в пустоту

а тёплое ведро – безвидно хныча.
Он взял с собой назойливых синиц,
которые с бумагой подгорают,
пока что их двухкамерные рты —
в рой медных пчёл воткнувшись
– в стыд истают,
пока здесь существует лишь пока,
смахнувши слепоту в хрустящий хворост —
гремит, несясь внутри себя – река
горизонтальная, как изморозь,
теперь уже не бойся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.